

УДК 327.57

А.И. Егоров

ГЕРМАНСКИЙ ФАКТОР ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЕС и РФ (1990-е гг.)

Поднимается проблема влияния Германии на характер и содержание отношений между Европейским союзом и Россией в начале постбиполярной эпохи. Рассмотрен вклад ФРГ в обеспечение устойчивости сотрудничества ЕС и РФ, представлены нормативно-правовые инструменты их взаимодействия. Обращено внимание на позицию Германии в отношении расширения Европейского союза на восток. Весомое место отводится анализу военно-политических и экономических факторов, осложнивших диалог партнеров во второй половине 1990-х гг.

Ключевые слова: Германия, Россия, Европейский союз, интересы, программа TACIS, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве.

Устойчивые традиции германо-российских отношений, сложившиеся в предшествующий период, с переходом к постбиполярной эпохе претерпели существенные перемены. Двустороннее сотрудничество приходилось развивать в новом контексте: ФРГ стала активным участником объединительных процессов, происходивших на европейском континенте, где в роли мощного интеграционного механизма выступал Европейский союз. Германия стремилась стать локомотивом европейской интеграции, в решающей степени определяя пути развития ЕС, а также предполагая использовать эту международную организацию в качестве инструмента усиления своего влияния на континенте. Осуществление контроля над мощью Евросоюза позволяло Германии создать предпосылки для изменения баланса сил на континенте в свою пользу, получить дополнительные преимущества в рамках трансатлантических отношений, а также укрепить собственное положение перед лицом возможного усиления России.

Взросшие амбиции ФРГ опирались на рост ее могущества. Германия принадлежала к числу немногих государств, потенциал которых в ходе международных событий конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. значительно увеличился. Благодаря объединению она расширила свою ресурсную базу, заняв лидирующие позиции среди стран Западной Европы по численности населения, а также утвердившись на третьем месте в мире по производству ВВП (после США и Японии).

Быстрыми темпами увеличивался немецкий экспорт наиболее высокотехнологичных видов машин и оборудования, причем на долю продукции машиностроения и химии приходилось свыше 2/3 всего товарного вывоза Германии [1. С. 153–162]. К этому добавлялись такие важные конкурентные преимущества, как высокий уровень образования и жизни населения, сравнительно бла-

гоприятная окружающая среда, распространенность немецкого языка, прежде всего в государствах Восточной и Центральной Европы.

Формируя внешнеполитический курс своей страны, германские политики ориентировались на реализацию национальных интересов, которые дефинировались ими исключительно как общеевропейские целевые перспективы. При этом декларировалась высокая миссия ФРГ: являясь интегрированной частью атлантического геополитического пространства, играть роль моста между Востоком и Западом континента, тем самым способствуя созданию единой Европы [2. S. 483]. Выполнение этой миссии предполагало курс Берлина на открытость Евросоюза для стран Центральной и Восточной Европы (далее страны ЦВЕ). Их подключение к ЕС сулило Германии немалые выгоды, ибо позволяло преодолеть ее незавидное положение выдвинутого на Восток форпоста Запада; ликвидировать барьеры, возникшие в связи с послевоенным расколом Европы; укрепить демократические режимы в странах ЦВЕ, обеспечивая ФРГ безопасность в региональном масштабе; подтянуть уровень благосостояния населения государств ЦВЕ до западных стандартов, что могло бы стать основанием для местного населения искать работу на родине, а не стремиться на заработки в благополучную Германию и не создавать напряжение на ее рынке труда.

Став в 1994 г. государством-председателем Европейского совета, ФРГ активно способствовала формированию политики Евросоюза, направленной на присоединение стран ЦВЕ к ЕС. 9–10 декабря 1994 г. в Эссене (Германия) состоялась 53-я встреча глав государств и правительств стран-членов ЕС, на которой была принята концепция открытия Евросоюза для шести центрально- и восточноевропейских стран

(Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, Румынии и Болгарии), проводивших рыночные преобразования и связанных с ЕС «европейскими соглашениями».

Расширение Евросоюза неизбежно порождало проблему взаимодействия с таким важным актором европейской политики, как Россия. Для ЕС последняя представляла интерес как с точки зрения обеспечения безопасности в Европе, так и в плане укрепления экономических и научно-технологических позиций перед лицом конкуренции со стороны США и Японии. Освоение емкого российского рынка могло стимулировать ускорение темпов развития экономики и сокращение безработицы в странах Евросоюза.

Что касается самой России, то она в 1990-е гг., по сути, впервые была вынуждена обратить пристальное внимание как на сам факт существования ЕС, так и на глубокую интеграцию в него ФРГ, что объяснялось непрерывно растущей совокупной мощью Евросоюза, а также повышением значения ее отдельных стран-членов для Москвы. Хотя РФ являлась евроазиатской державой, ее внешнеэкономические, а также внешнеполитические интересы во многом были ориентированы на Европу. При этом следовало учитывать такие факторы сближения, как географическая близость, прежде всего наиболее населенной и промышленно развитой части территории РФ к Европе; традиционно налаженные культурные связи, имевшие 300-летнюю историю; взаимодополняемость экономик; возможности Евросоюза в предоставлении капиталов и технологий, необходимых России для модернизации своего хозяйства.

Германия внесла вклад в поиск и разработку оптимального инструмента политики ЕС в отношении России, что нашло отражение в создании программы TACIS. Начиная с 1991 г. в рамках этой программы были поддержаны проекты, специализирующиеся на оказании консультационно-технической помощи, содействии правам человека, формировании принципов правового государства и развитии гражданского общества. Всего на реализацию этих проектов в России было выделено 1,2 млрд евро. Примечательно, что федеральное правительство разработало также свои трансформационные программы, преследуя аналогичные цели. Собственно германская поддержка России в строительстве правового государства стала осуществляться позднее, с 1994 г., и выразилась общей суммой в 350 млн ДМ [3. S. 255]. Одновременно ФРГ способствовала подведению нормативно-правовой базы под сотрудничество ЕС и РФ, добившись принятия Евросоюзом соответствующего

Регламента в отношении России. Его первая редакция появилась на свет в 1991 г., имела прямое действие и являлась юридической основой программы TACIS, утверждая своей целью содействие переходу России к рыночной экономике. Уже в 1993 г. новая редакция Регламента добавила к этому «...и таким образом содействуя укреплению демократии», а Регламент 1996 г. уравнивал в правах эти две цели: «переход к рыночной экономике и укрепление демократии» [4].

Вскоре программа TACIS была подключена к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве (далее СПС), заключенному РФ и ЕС в июне 1994 г. и акцентирующему внимание на экономическом сотрудничестве [5]. Поскольку процесс ратификации СПС обещал затянуться, то в 1995 г. сторонами было подписано Временное соглашение, которое предусматривало немедленное вступление в силу положений о торговле, изложенных в СПС. Это дало возможность применить к российскому экспорту в страны Евросоюза режим наибольшего благоприятствования. СПС было направлено не только на экономическую интеграцию, но и на политическое сотрудничество. Оно послужило основой для регулярных политических контактов между ЕС и РФ на высшем уровне и закрепило в качестве ядра их взаимоотношений такие ценности, как уважение прав человека и демократический процесс.

Бонн стремился с максимальной эффективностью использовать субъективные факторы, которые, при всей своей противоречивости, играли положительную роль в развитии отношений между РФ и Евросоюзом. В первую очередь речь шла о ярко выраженном персонифицированном характере политического диалога, определявшемся дружескими контактами президента Б.Н. Ельцина с лидерами ведущих стран-членов ЕС, включая федерального канцлера ФРГ Г. Коля. Во-вторых, германская линия учитывала инертность мышления Кремля, который в первой половине 1990-х гг. воспринимал угрозы для национальной безопасности России традиционно, сквозь призму внешнеполитических факторов. С этой точки зрения Евросоюз рассматривался Москвой в качестве политико-экономической организации, существование которой, в отличие от НАТО, не угрожало российским интересам. Этим детерминировалось в целом лояльное отношение Кремля к расширению ЕС, в отличие от аналогичного движения НАТО на восток, которое, как полагала российская сторона, могло изменить стратегическую ситуацию и подорвать баланс сил в Европе. Различное восприятие официальной Москвой Евросоюза и НАТО

объяснялось ее нежеланием укрепления позиций единственной сверхдержавы. Поскольку Соединенные Штаты не являлись членом Европейского союза, а сама эта организация представляла собой объединение средних и малых государств, то против ее расширения Кремль не выдвинул сколько-нибудь серьезных возражений.

Учитывая эти обстоятельства, министр иностранных дел ФРГ К. Кинкель разработал комплексную стратегию сглаживания острых углов в процессе расширения НАТО и ЕС на восток. По его мнению, следовало стремиться к полному совпадению состава участников этих организаций, а затем убедить Москву в том, что Россия и Евросоюз в одинаковой мере заинтересованы во всеобщей безопасности на континенте. Кинкель предложил взять на вооружение идею «евроатлантического пространства стабильности», призванного расширяться за счет новых государств [6]. Вместе с тем предварительным условием вхождения России в это пространство становилось принятие перехода бывших союзников по советскому блоку в ЕС и НАТО.

В скором времени фон, на котором разворачивались контакты Евросоюза с РФ, приобрел более негативную окраску, чему в немалой степени способствовала позиция ФРГ. Со второй половины 1990-х гг. в Германии стали все чаще скептически отзываться об успехах России в деле формирования демократических устоев. К тому времени Кремлю не удалось создать ключевые предпосылки демократизации – правовое государство, стабильную многопартийную систему и дееспособный парламентаризм. Приравнивать же победу Б.Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г. к «триумфу демократии» оказалось преждевременным. В России сложился переходный режим, для которого были характерны сильная президентская власть и относительно слабые представительные органы. В известной степени разочарованность немецкой стороны подпитывалась боевыми действиями российской армии на Северном Кавказе, развернутыми в ходе Первой чеченской войны и сопровождавшимися многочисленными людскими жертвами. Для общественного мнения в Германии такая ситуация являлась показателем неоимперских устремлений российского руководства, возрождения политического мышления в духе советских традиций, что способствовало усилению негативизма в отношении Москвы.

Консервативно-либеральное правительство Г. Коля пыталось сдерживать нарастание антироссийской тенденции в своей стране, заняв умеренную позицию. Властям Германии было невыгодно

подогревать сепаратистские настроения в РФ. Это могло подготовить почву для массовой поддержки террористов населением Чеченской республики, что, в свою очередь, грозило дестабилизировать ситуацию в стране и, в конечном счете, выступить фактором трансформации российского политического режима в сторону авторитаризма. Германия также проявляла заинтересованность в сохранении территориальной целостности РФ, ибо ее возможный распад грозил привести к непредсказуемым последствиям на пространстве Центральной и Восточной Европы, которое постепенно втягивалось в орбиту влияния ФРГ.

В то же время федеральное правительство не исключало возможности введения санкций против РФ по линии Евросоюза. При этом предполагался тщательный подход к выбору инструментария возможных санкций и расчету их политической эффективности. Радикальные действия недружественного характера (например, разрыв экономических отношений между ЕС и Россией) были отвергнуты, поскольку объективно вели к появлению новых разделительных полос на континенте, а фактически к изоляции Москвы.

К российскому руководству пришло осознание того, что Европа не торопится принять РФ в свой ряды. Более того, определенные опасения вызывала активизация усилий стран-членов ЕС в области общей внешней политики и политики безопасности (далее ОВПБ). Положения об ее организации были включены в Маастрихтский договор 1992 г., причем целями ОВПБ провозглашались: защита общих ценностей, основных интересов и независимости союза; укрепление безопасности Евросоюза и его государств-членов всеми способами; сохранение мира и укрепление международной безопасности в соответствии с принципами Устава ООН, а также с принципами Хельсинского Заключительного акта и целями Парижской хартии; содействие международному сотрудничеству; развитие и консолидация демократии и законности, уважение прав человека и основных свобод [7. S. 42].

В марте 1996 г. на межправительственной конференции в Турине начался пересмотр положений Маастрихтского договора. В распространенном накануне конференции докладе Комиссии ЕС «Об усилении политического союза и подготовке к расширению» в качестве одной из целей пересмотра договора была подчеркнута необходимость проведения более последовательной внешней политики Евросоюза, повышения эффективности его международных акций, а также выработки европейской концепции безопасности и

обороны. Эта работа завершилась подписанием в октябре 1997 г. в Амстердаме «Договора об изменении договора о Европейском союзе, договоров, учреждавших Европейские сообщества, и ряда связанных с ними актов». При этом подверглись корректировке основные цели, которые должны были достигаться в процессе повышения роли ЕС как единого актора на международной арене. Теперь они формулировались следующим образом: соединение в одно целое различных направлений, что позволяло иметь единую и эффективную внешнюю политику, располагающую жизнеспособными структурами и процедурами, обеспечивающими ее устойчивость и последовательность; улучшение ОВПБ на всех этапах ее разработки и осуществления; создание надлежащего «лица» Европы в отношении безопасности и обороны в качестве интегральной части ОВПБ.

Исходя из этого, в Амстердамском договоре были несколько иначе, по сравнению с Маастрихтским, определены принципы осуществления ОВПБ. Если в прежнем договоре указывалось, что ОВПБ реализуют союз и страны-члены ЕС, то теперь ОВПБ объявлялась прерогативой союза в целом, а страны-члены обязывались «активно, безоговорочно и в духе лояльности и взаимной солидарности» поддерживать ОВПБ союза [8]. Такая ситуация не устраивала российские власти, привыкшие полагаться на двусторонние (в крайнем случае трехсторонние) отношения со странами Евросоюза. Кремль не оставлял надежд на формирование так называемой «Тройки», состоящей из Франции, Германии и России. Попытка выдать желаемое за действительное была предпринята Кремлем в марте 1998 г., когда в Москве прошли переговоры президента РФ Б.Н. Ельцина, федерального канцлера ФРГ Г. Коля и президента Франции Ж. Ширака. Стороны обсудили глобальные, региональные и трехсторонние проблемы сотрудничества, в том числе проекты по строительству автодорог, совместной разработке транспортного самолета нового поколения Антонов-70, гуманитарные вопросы.

Это дало основание президенту Ельцину строить планы построения оси «Москва – Бонн (Берлин) – Париж», с помощью которой, по мысли Кремля, РФ могла включиться в общеевропейскую структуру безопасности. Однако, выдвигая требование права на свое участие в оформлении будущего европейского континента, Россия не принимала концепцию единой Европы на основании ЕС, по сути, отвергала европейские либерально-демократические ценности и видела себя составной частью Европы со своей традиционной

системой приоритетов. Поэтому усилия Германии, поддержанной Францией, придать новые импульсы интеграции РФ в европейские экономические и политические структуры, не увенчались успехом. 26 марта 1998 г. на совместной пресс-конференции лидеров трех стран федеральный канцлер Г. Коль был вынужден разочаровать российского лидера. Глава германского правительства решительно отверг мнение, что наступает период формирования «оси», ибо это приведет к трениям между ФРГ и Францией, с одной стороны, а с другой – остальными членами Евросоюза и США. Г. Коль четко расставил приоритеты, заявив о пребывании Германии в НАТО и ЕС как основе политики федерального правительства [9].

Однако сам факт переговоров Г. Коля и Ж. Ширака с Б.Н. Ельциным по широкому кругу вопросов вызвал раздраженную реакцию со стороны Евросоюза в целом и его отдельных представителей из числа малых стран. Германии и Франции вменялось в вину несогласование позиций с партнерами по ЕС. Другие члены Евросоюза настаивали на том, что в отношении России необходимо занимать консолидированную позицию и взаимодействовать с ней по ключевым вопросам только централизованным образом, через посредство органов Евросоюза.

Все же тенденция поиска точек соприкосновения РФ и ЕС просматривалась, однако ее прервали события конца лета – осени 1998 г., а именно дефолт и сопровождавший его политический кризис в России. В оценке ситуации Евросоюз и Германия, как его часть, проявили полное единодушие, причем в значительной степени были переосмыслены успехи рыночных и демократических преобразований в РФ. Главный редактор немецкого журнала «Internationale Politik» В. Вайденфельд писал о системности кризиса, поскольку «нерешенные вопросы переходного периода и ошибки трансформации оказались тесно переплетены с проблемами экономической структуры, политики и политической культуры». Было подмечено, что реформаторам не удалось учредить парламентскую демократию, создать общие условия для перехода к рыночной экономике, построить эффективные промышленные предприятия, развить малый и средний бизнес. «Население чувствует себя проигравшим и потеряло доверие к политическому руководству страны», – констатировал Вайденфельд [10].

17 сентября 1998 г. Европейский парламент выступил с заявлением о положении в РФ, в частности, указав, что непрозрачный процесс приватизации привел к концентрации капитала в руках

олигархии. Дальнейшую помощь России Евросоюз обусловил предварительными мероприятиями российского правительства, в том числе укреплением федеральных государственных структур, корректированием экономических реформ, изменением законодательства, жестким отслеживанием происхождения капитала граждан РФ; было предложено вложить 150 млрд долл., находящихся на банковских счетах россиян внутри страны и за границей, в качестве инвестиций в экономику. В свою очередь, Европейская комиссия предложила гибко переориентировать программу TACIS, сделав акцент на техническую помощь России в ключевых областях, таких как финансы, изменение структуры финансового сектора и реформа государственного управления [11].

В этот период на Западе преобладающей стала точка зрения, согласно которой внешняя помощь может способствовать российским реформам лишь в ограниченном масштабе и только в качестве вспомогательной меры. Стали дезавуироваться утверждения о невозможности построить европейское пространство без участия РФ, характерные для первой половины 1990-х гг. Бывший министр экономики ФРГ О. фон Ламбсдорфф считал, что «в крайнем случае можно обойтись без нее» [12].

Все же власти Германии постарались не допустить перелома, коренным образом ухудшающего отношения между ЕС и РФ. Их действия объективно были направлены на осторожное вовлечение России в европейский процесс, прежде всего путем совершенствования правовой базы партнерского диалога. На Венском саммите Европейского совета в декабре 1998 г. было принято решение о разработке нового стратегического документа в отношении России. Приняв с января 1999 г. председательство в Евросоюзе, Германия активно способствовала его ускоренной подготовке. Уже в июне того же года Европейский совет в Кельне принял документ, призванный играть направляющую и координирующую роль в политике ЕС и его государств-членов – «Общую Стратегию Европейского союза в отношении России». В данном документе востребованной оказалась идея стабильности, которую подлежало обеспечить как в России, так и в Европе. На ее основе предполагался поиск ответов на общие вызовы, стоявшие перед странами континента, что предполагало интенсификацию сотрудничества Евросоюза с Россией. Конечной целью было провозглашено стратегическое партнерство этих акторов международных отношений [13. С. 43].

С другой стороны, Германия, где к власти пришла амбициозная коалиция СДПГ – Союз 90/

«Зеленые», признавала, что экономическая мощь ЕС явно преобладает над его политической силой и военным потенциалом. В связи с этим новое федеральное правительство Г. Шредера активизировало разработку общей европейской политики в области безопасности и обороны (далее ОЕПБО) в поддержку ОВПБ. Ставилась задача обеспечения самостоятельной способности ЕС к проведению военных операций по реагированию на кризисы в том случае, если НАТО не будет вовлечено в их разрешение. Поэтому на Хельсинском саммите Евросоюза в декабре 1999 г. было принято решение создать силами стран-членов ЕС до 2003 г. сухопутный контингент сил быстрого развертывания численностью 50–60 тыс. чел., а также подразделения ВМС и ВВС, которые в совокупности могли бы быть в течение 60 дней приведены в боевую готовность и находиться в зоне оперативных действий по урегулированию кризисов и конфликтов в течение одного года. Их задачи охватывали широкий спектр: эвакуация граждан ЕС из зоны конфликта, поддержание мира, превентивное размещение и разделение враждующих сторон. Обещанный вклад Германии был весом – 30 тыс. солдат, из которых 18 тыс. должны были принимать непосредственное участие в операциях, предпринимаемых ЕС [14]. Тем самым Евросоюз потенциально превращался в серьезную военную силу, не считаться с которой уже было невозможно.

На Хельсинском саммите инициативы по ОЕПБО сопровождалась жесткими решениями относительно России. Прежде всего, основываясь на своей оценке событий в Чечне, Европейский совет заявил о необходимости корректировки принятой всего за полгода до этого «Общей стратегии Европейского союза в отношении России», в основу которой был положен принцип стратегического партнерства. Одновременно Евросоюз заявил о том, что некоторые положения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС 1994 г. должны быть пересмотрены, а его торговые положения – выполняться без малейших послаблений со стороны Евросоюза. Подлежала сокращению программа финансовой помощи России по линии TACIS, сведя ее к приоритетным для ЕС областям (гуманитарная помощь беженцам, вопросы прав человека и гражданского общества, содействие ядерной безопасности).

Решение Евросоюза о необходимости пересмотра концепции стратегического партнерства с РФ усугубилось тем обстоятельством, что одновременно с этим Хельсинский саммит принял «Общую Стратегию ЕС в отношении Украины», в которой было заявлено о стратегическом двусто-

роннем партнерстве, основывающемся на общих ценностях. Этот документ, в отличие от стратегии в отношении России, гораздо более подробно определил пути стимулирования сотрудничества ЕС с Украиной в ходе расширения Евросоюза. Потенциально могла возникнуть ситуация, когда приоритетным партнером ЕС среди государств СНГ станет Украина, а не РФ.

Тем более, что у Евросоюза и Германии накопились серьезные претензии к российской политике в области прав человека. Катализатором недовольства послужила Вторая чеченская война, в которой отразились сложнейшие проблемы российского общества. Ее успешное проведение помогло предотвратить отделение Дагестана и Чечни от России, нанести серьезный удар по террористическим организациям на их территории; способствовало широкой поддержке В.В. Путина накануне выборов президента РФ (26 марта 2000 г.).

Однако серьезное укрепление федеральной власти в России не входило в планы ее европейских партнеров, которые предпочитали видеть Москву слабой стороной, неспособной проводить самостоятельный внешнеполитический курс. Играя на поле ЕС, Германия все чаще использовала вторую чеченскую кампанию в качестве повода для вмешательства во внутренние дела России. При этом официальные лица предпочитали говорить о необходимости скорейшего окончания войны, где в массовом порядке нарушаются права и свободы человека. В ход были пущены элементы шантажа, поскольку стратегическое сотрудничество и определенные формы партнерства с Москвой ставились в прямую зависимость от положения дел с правами человека в Чечне, а также от выполнения Кремлем своих международных обязательств. К тому же Европейский парламент рекомендовал Комитету министров Совета Европы лишить Россию права голоса в соответствующих комитетах, ибо, по его мнению, военная акция РФ в Чечне нарушила дух и букву Европейской конвенции о защите прав человека.

Роль главного немецкого критика российской политики в области прав человека взял на себя министр иностранных дел Й. Фишер, который рассматривал чеченскую войну как политическую и гуманитарную катастрофу, которая абсолютно неприемлема ввиду ее направленности против гражданского населения и несовместимости с европейскими и международными нормами» [15]. Германские власти не отрицали право России на защиту своей территориальной целостности, но заявляли, что борьба должна вестись исключительно против терроризма и средствами, приемле-

мыми для правового государства. Использование жестких, силовых мер, по мнению руководства ФРГ, не имело ничего общего с политикой умиротворения.

Германские политики настойчиво пытались вмешаться в миротворческий процесс на территории Чечни. Координатором германо-российского сотрудничества по линии общественности при федеральном правительстве, членом руководства фракции СДПГ в бундестаге Г. Эрлером было предложено заключить многосторонний «Пакт стабильности для Кавказа» [16], который предусматривал бы – при ведущей роли России – участие Евросоюза и сопредельных государств региона (Грузии), а также международных финансовых институтов в урегулировании ситуации в Чечне. Однако содержание пакта носило ярко выраженный антироссийский характер. В качестве первоначальных шагов к достижению стабильности предлагались такие меры, как публичный отчет российского руководства о реальном состоянии дел в Чечне в частности и на Северном Кавказе в целом; признание Москвой «противоправных действий части российских войск и сторонников Кадырова»; запуск процесса широкомасштабного восстановления инфраструктуры Чечни с обязательным участием Евросоюза.

К тому же ЕС осуществил переброску значительной части средств программы TACIS с технического содействия на гуманитарную помощь. 24 января 2000 г. Европейский совет принял Решение по общим вопросам (на уровне министров иностранных дел), которое последовало в плане реализации постановления Хельсинского саммита ЕС, поручившего Европейской комиссии отложить подписание с Россией научно-технического соглашения [17].

Таким образом, в последнее десятилетие XX в. Германия поддерживала курс на расширение Евросоюза путем включения в его состав стран Центральной и Восточной Европы, что одновременно создавало предпосылки для их втягивания в сферу влияния ФРГ. На первых порах Россия лояльно отнеслась к этому процессу, не считая его угрозой своим национальным интересам. К тому же возможная напряженность сменялась запуском программы TACIS и ожиданиями полноценной реализации соглашения о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС. Однако во второй половине 1990-х гг. стало очевидным стремление Евросоюза усилить свои позиции в военно-политической области. Обнаружились разногласия ЕС и РФ в стратегических вопросах; фактором раздора стали боевые действия в Чечне. Со стороны ФРГ, линия в

отношении России ужесточилась, что поставило под угрозу исполнение Германией роли влиятельной силы, обеспечивающей баланс интересов на европейском континенте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозов Б.Н., Мясников П.А. ФРГ – США: шесть десятилетий экономического и политического взаимодействия. Н. Новгород: Издательство НГМА, 2010. 352 с.
2. Kohl H. Ich wolle Deutschlands Einheit. Berlin: Diekmann und Reuth, 1996.
3. Хильгер Г. Россия и Германия. Союзники или враги? / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2008. 413 с.
4. Лешуков И.Е. Россия и Европейский Союз: стратегия взаимоотношений // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век / Под ред. Д. В. Тренина; Московский центр Карнеги. М.: S & P, 2000. 279 С.
5. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС // Дипломатический вестник. 1994. № 15–16. С. 29–59.
6. Kinkel K. Partner im Wandel. Deutsche Außenpolitik und die GUS-Staaten [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1996. №10. – URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 1996/ oktober 1996/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%201996/oktober%201996/documentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).
7. Maastricht in der Analyse. Strategien und Optionen für Europa / Hrsg.: W. Weidenfeld. Gütersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung, 1994. 501s.
8. Dokumente zum Vertrag von Amsterdam / Schittly D. [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1997. №7. – URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 1997/juli1997/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%201997/juli1997/documentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).
9. Gemeinsame Presskonferenz des rußländischen Staatspräsidenten Boris Jelzin, des Französischen Staatspräsidenten Jacques Chirac und des deutschen Bundeskanzlers Helmut Kohl, am 26. März 1998 in Moskau [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1998. №10. – URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 1998/ oktober 1998/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%201998/oktober%201998/documentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).
10. Weidenfeld W. Rußland in der Krise [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1998. №10. – URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 1998/ oktober 1998/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%201998/oktober%201998/documentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).
11. Erklärung der Europäischen Commission zur Lage in Rußland vom 3. September 1998 [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1998. №10. – URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 1998/ oktober 1998/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%201998/oktober%201998/documentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009); Entschließung des Europäischen Parlaments zur internationalen Finanzkrise und Lage in Rußland vom 17. September 1998 im Strasburg; Europäisches Parlament, Protokoll vom 17/09/1998. – B4 – 0830, 0869/98 [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1998. №10. – URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 1998/ oktober 1998/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%201998/oktober%201998/documentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).
12. Lambsdorff O. von. Eine stabile Instabilität. Russische Wirtschaftskrise und deutsche Politik [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1998. №10. – URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 1998/ oktober 1998/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%201998/oktober%201998/documentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).
13. Общая Стратегия. Раздел I (Видение ЕС партнерства с Россией) // Евро. 1999. № 9–10. С. 37–43.
14. Transatlantische Dissonanzen. Sieben Thesen zu den Sicherheitsbeziehungen/ Standpunkte von Michael Rühle [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2000. №1. – URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 2000/ januar 2000/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%202000/januar%202000/documentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).
15. Rede des deutschen Außenministers, Joschka Fischer, bei der Jahresmitgliederversammlung des Deutsch-Russischen Forums am 15. Februar 2000 in Berlin [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2000. №5. – URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 2000/ mai 2000/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%202000/mai%202000/documentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).
16. Верлин Е., Иноземцев В. «Пакт стабильности» для Кавказа [Электронный ресурс] / Центр исследований постиндустриального общества. – URL: <http://postindustrial.net/2004/09> (дата обращения: 20.12.2009).
17. Сообщение для прессы по итогам работы Совета по общим вопросам № 2239 от 24 января 2000 г. на сайте Европейской комиссии europa.eu.int